

Намёк Ван Сюаня был понятен без лишних слов. Сжав его ладонь, Гоудань тихо рассмеялся:

— Можешь ни в чём себе не отказывать. Пришло твоё время развернуться во всю ширь.

Они обменялись быстрыми взглядами и понимающе улыбнулись друг другу.

Ло Цзухуэй, хоть и вырос за границей, внешне ничем не отличался от местного состоятельного наследника — его предки неизменно выбирали в жёны китайнок, так что лицо у него было самое что ни на есть типичное, азиатское. Однако стоило ему заговорить или сделать хотя бы движение, как сразу возникало странное ощущение дисгармонии. Слишком уж бросалась в глаза разница между местным воспитанием и чуждой культурой.

Во всём его облике сквозила чопорность английского джентльмена. По-китайски он изъяснялся бегло, но забавно растягивал гласные, а неестественный, чужой выговор резал слух.

Обменявшись вежливыми кивками, Гоудань представил их друг другу:

— Позвольте представить, господин Ло Цзухуэй, британский джентльмен. Для друзей просто Роберт. А это мой названный брат, Ван Сюань.

— Очень приятно, господин Ло.

— Взаимно, господин Ван.

Оба принялись незаметно разглядывать друг друга, мысленно взвешивая достоинства и недостатки визави, но внешне оставаясь образцом безупречной вежливости.

Разговор завязался легко. Чтобы растопить первый лёд, они заговорили о приёме, но быстро перешли на более общие темы.

— У вас прекрасный выговор, господин Ло, — заметил Ван Сюань. — Без языковой среды поддерживать такую чистую речь невероятно сложно. Искренне восхищён.

— Что вы, ваш английский тоже весьма недурен, — улыбнулся тот в ответ. — Слышал, у вас в стране иностранные языки преподают чуть ли не со скамьи начальной школы. Поразительное рвение.

— Ну, по крайней мере, «гуд морнинг» мы не путаем с «чёрт забирай», — отшутился Ван Сюань. — А вы давно изучаете китайский?

— Кое-какие фразы помню с раннего детства, а систематически заниматься начал уже в сознательном возрасте, с репетиторами.

«И что это за светская болтовня? — мысленно усмехнулся Гоудань, отпивая из бокала. — Мы вообще-то деловые люди, где сухие цифры и графики?»

Впрочем, вмешиваться он не планировал. Налаживание этих контактов целиком лежало на плечах Ван Сюаня — это была его будущая вотчина, а Гоуданю предстояло лишь обеспечить проект деньгами и кадрами. Каждый должен заниматься своим делом. Гоудань смыслил в коммерции, Ван Сюань — в медицине; и как лекарь никогда не лез в тонкости управления корпорацией, так и Гоудань не собирался контролировать каждый шаг партнёра.

Оказавшись в роли молчаливого слушателя, Гоудань откровенно заскучал. Ему приходилось улавливать тончайшие оттенки их взаимного прощупывания: они плавно лавировали от макроэкономики к культурным традициям, спорили об особенностях образования, обсуждали кухню, голливудских звёзд и даже классическую поэзию. В конце концов от этой интеллектуальной дуэли у Гоуданя просто голова пошла кругом.

Видя, что собеседники окончательно ушли в свои дебаты, он вежливо извинился и, прихватив бокал, отправился на поиски старых знакомых.

В этот раз в его руке был налит обыкновенный тёмный виноградный сок. Ван Сюань терпеть не мог, когда от него после приёмов разило перегаром, да и обстановка сегодня была вполне неформальной, без навязчивого культа крепкого алкоголя. Сок в хрустальном бокале отливал глубоким рубиновым цветом — непосвящённый человек легко принял бы его за изысканное выдержанное каберне.

Попрощавшись лёгким жестом, Гоудань скрылся в толпе. Ван Сюань без труда управится с этим иностранным «господином редиской»... то есть, конечно, Робертом.

Едва Гоудань отошёл на безопасное расстояние и завёл беседу у фуршетного стола, Ло Цзухуэй вдруг заговорщически подался вперёд и вкрадчиво прошептал:

— А вы ведь любовники, не так ли?

Ван Сюань инстинктивно отклонился назад, увеличивая дистанцию. Сердце ухнуло куда-то вниз, но внешне он не повёл и бровью, сохранив абсолютную невозмутимость:

— Простите, господин Ло? Не расслышал.

— Пустяки, не берите в голову, — мягко рассмеялся тот.

Но взгляд иностранца красноречиво скользнул по воротнику Ван Сюаня, под которым едва угадывался багровый след. Судя по расположению и характеру этой отметины, оставить её женщина просто не могла. Ло Цзухуэй, ведомый чутьём и заметивший ту особенную теплоту, с которой эти двое общались секунду назад, сразу обо всём догадался.

Обыватель никогда бы не заподозрил неладное, списав всё на крепкую мужскую дружбу, но Ло Цзухуэй сам принадлежал к этому скрытому миру и прекрасно видел разницу.

Ван Сюань, недовольный столь бесцеремонным вниманием, слегка прищурился. Его голос

мгновенно похолодел:

— Господин Ло, как вы оцениваете перспективы нашего партнёрства? Полагаю, мои преимущества в данной сфере сейчас неоспоримы. Или у вас иное мнение?

Намёк был прозрачен: «Не сработаемся — я легко найду другого инвестора, благо мои ресурсы уникальны».

Ло Цзухуэй тут же уловил перемену тона и поспешил выразить согласие:

— Безусловно. У вас колоссальный потенциал, особенно если учесть ваши связи в медицинских кругах.

И это было чистой правдой. Достаточно вспомнить, у кого учился Ван Сюань. Его наставник и многочисленные соученики занимали ведущие посты в здравоохранении, образуя мощнейшую профессиональную сеть.

— Я знаком с вашими реалиями, — продолжил Ло Цзухуэй. — В Китае связи решают всё. Господин Ван, вы идеальный партнёр. Но и я для вас — лучший выбор. Я не просто досконально знаю этот рынок, члены моей семьи уже давно ведут здесь дела.

«Что ж, подготовился он основательно, — отметил про себя Ван Сюань. — Значит, пришёл с серьёзными намерениями».

— Согласен, — вслух произнёс он. — Именно поэтому в коммерческих вопросах нам необходима абсолютная прозрачность. Но личные границы переступать не стоит. Согласны?

— Безусловно. Меня воспитывали как джентльмена, так что в деликатности моих манер можете не сомневаться.

— Рад это слышать.

«Джентльмен, как же, — мысленно сплюнул Ван Сюань. — Думаешь, я не заметил, каким масляным взглядом ты провожал моего Гоуданя? Нашёлся тут претендент. С твоим-то тщедушным тельцем только на что-то и рассчитывать. Да я тебя в бараний рог скручу быстрее, чем Гоудань-гэ вообще успеет заметить твоё существование, чёртов заморский индюк».

В верности своего мужчины Ван Сюань не сомневался, но сама мысль о том, что кто-то смеет заглядываться на его собственность, приводила его в бешенство.

Разговор затих, уступив место напряжённому молчанию.

Вскоре торжество достигло кульминации. В зале появился хозяин вечера, и гости из всех углов потянулись к импровизированной сцене в центре зала.

Ван Сюань, для которого подобные рауты давно перестали быть в новинку, вместе с Робертом влился в людской поток. Отыскать Гоуданя в толпе не составило труда — тот, как всегда, находился в самом центре внимания. Аккуратно пробравшись сквозь кольцо собеседников, Ван Сюань коснулся его плеча. Гоудань обернулся и тепло улыбнулся.

Заметив неподалёку Ло Цзухуэя, приветственно приподнявшего бокал, Гоудань вежливо кивнул ему в ответ, быстро извинился перед окружением и увёл партнёра в менее оживлённую часть зала.

— Ну как? — негромко спросил он. — Сговорились?

— Сносно, — вполголоса ответил Ван Сюань. — Но этот тип явно предпочитает мужчин. И, кажется, он разгадал наш маленький секрет.

— Пусть себе, — равнодушно отозвался Гоудань. — Если он окажется ненадёжным, просто свернём переговоры. Обойдёмся без заграничных вливаний. Будет чуть больше возни с оформлением, но для нас это не преграда.

Внутренняя политика в отношении частного капитала по-прежнему оставляла желать лучшего. Зарубежным инвесторам чиновники готовы были стелить красную дорожку и предоставлять любые налоговые льготы, тогда как местным предпринимателям устраивали бесконечные проверки.

Это напоминало абсурдные истории из криминальных хроник: если заезжий иностранец терял кошелёк, на уши поднимали всё отделение милиции, а если обкрадывали соотечественника — дежурный лишь лениво составлял протокол, который тут же отправлялся пылиться в архив. Никто не упрекал стражей порядка в халатности: в мегаполисах карманники орудовали сотнями, и без свидетелей найти вора было практически нереально. Но когда дело касалось престижа страны перед иностранными гостями, чиновники расшибались в лепёшку, лишь бы избежать международного скандала. Никому не хотелось лишиться тёплого кресла из-за «удара по репутации государства». В итоге эти заискивания приводили к горькому парадоксу: чужаков ценили куда выше собственных граждан.

— Ладно, поживём — увидим, — вздохнул Ван Сюань. — Если у него действительно серьёзный интерес, мы сможем диктовать свои условия.

— Вот именно.

Гоудань в этой светской мути чувствовал себя как рыба в воде, чего нельзя было сказать о его спутнике. Ван Сюань слишком долго оставался прилежным учеником и кабинетным исследователем, поэтому в его осанке и манерах до сих пор сквозила утончённая, чисто научная интеллигентность. Раньше на официальных приёмах Гоудань всегда брал весь удар на себя, но теперь, когда речь зашла о собственной клинике, Ван Сюаню волей-неволей приходилось учиться дипломатии. Даже с привлечением наёмных управляющих избежать личных контактов с нужными людьми в будущем не удалось бы ни при каком раскладе. В этом мире никто не может позволить себе роскошь полного уединения.

Приблизившись к Ван Сюаню так, чтобы их никто не услышал, Гоудань кивнул в сторону сцены:

— Посмотри на хозяина вечера. Это Дун Чжунжун, птица высокого полёта. — Он многозначительно указал взглядом на потолок. — О его покровителях наверху почти никто не знает, я сам раскопал эту информацию чисто случайно. Вся его империя буквально построена на костях. Скупал за бесценок землю у бедняков, несогласных вышвыривал силой... Разумеется, сам рук не марал — всю грязную работу за него делала наёмная шпана.

Сделав глоток сока, Гоудань продолжил:

— Сейчас большинство застройщиков действуют схожими методами, но этот персонаж превзошёл всех. Теперь, сколотив состояние, он заделался благотворителем, пытается отмыть репутацию. Но старожилы бизнеса прекрасно помнят, с чего он начинал. За каждым его крупным проектом тянется кровавый след. Да и недвижимостью его интересы не ограничиваются, так что масштабы его цинизма можешь представить сам. Раньше он даже не утруждал себя маскировкой — за его спиной стояла надёжная крыша. Это лишь в последнее время он начал усердно лепить образ уважаемого гражданина.

— С виду и не скажешь, что он способен на такое, — заметил Ван Сюань, разглядывая холёное лицо оратора.

— Мерзавцы всегда выглядят благообразнее праведников, — хмыкнул Гоудань. — Иначе как им скрывать свою гнилую суть?

— И всё же сейчас он — уважаемый промышленник. Никого не волнует прошлое, все видят только цифры на его счетах и спешат выразить почтение, — покачал головой Ван Сюань.

— Верно. Насмотревшись на наш успех с торговыми центрами, он попытался влезть в ту же нишу: начал строить жилые комплексы с коммерческими первыми этажами, рассчитывая сдавать их в аренду. Но дело не выгорело. Теперь этот делец пытается напроситься в партнёры к нашему «Триумфу». Жадине всё мало. Занимался бы своим типовым жильём — горя бы не знал, но ему хочется захватить абсолютно всё. Слишком долго ему всё сходило с рук, вот парень и потерял берега от собственной безнаказанности.

На сцене продолжалась напыщенная, полная пафоса речь. Гости в зале дружно кивали, натягивая дежурные улыбки, и взрывались аплодисментами после каждого абзаца — кругом царил атмосфера фальшивого благополучия. Гоудань тоже послушно улыбался и хлопал в ладоши вместе со всеми, однако его губы продолжали тихо нашептывать Ван Сюаню грязные подробности триумфального восхождения человека, стоявшего на трибуне.

<http://bllate.org/book/19654/1996873>